

Юрий Шабунин

VERO

Книга

Осознание

Юрий Шабунин

VERO Книга Осознание

«Автор»

2026

Шабунин Ю. Н.

VERO Книга Осознание / Ю. Н. Шабунин — «Автор», 2026

VERO. СИМФОНИЯ МИРОЗДАНИЯ – это философская эпопея о войне, которую ведут не за территории, а за саму реальность. Мир – это живая музыка, Узор, сотканный из изначальной вибрации VERO. Но ему угрожает безмолвный враг – Пепельные Владыки, воплощение Абсолютного Порядка, стремящиеся упразднить шумную, несовершенную жизнь. В центре истории – Риши, дирижёр, слышащий песнь всего сущего. Его оружие – не магия силы, а резонанс и память. Когда из реальности стирают его сестру Аэлис, его личная боль становится нитью, которой можно зашить раны мироздания. Чтобы спасти всё, Риши предстоит совершить невозможное: перестать бороться с Пустотой и вплести собственную любовь в основу бытия, превратившись из воина в вечный камертон новой симфонии. Это история о том, что истинная сила рождается не из могущества, а из уязвимости, а главным оружием против забвения оказывается вкус фиолетовой ягоды на губах и память о смехе, который нельзя стереть.

© Шабунин Ю. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Юрий Шабунин

VERO Книга Осознание

USER

02.01.2026

Голос создателя теории (интрига, последствия)

Текст от первого лица, «исповедь из темницы»:

Я сижу в камере, где воздух густ от страха и едкого запаха антисептика. Величайшая ирония состоит в том, что меня заточили сюда не за преступление, а за истину.

За книгу, которая лежит у вас на столе – «VERO». Истина.

Они полагают, будто я украл огонь у богов. Одни кричат о кощунстве, другие – о ереси. Но все они упустили суть: я не разрушил веру. Я лишь обнаружил её механизм. Я попытался дать ответ на вопрос, который задавал себе пяти тысячелетний жрец, глядя на звёзды: «Куда уходит душа?».

И иногда, в самые тихие ночи, когда эхо моих шагов по каменному полу отсчитывает секунды до неведомого конца, меня охватывает леденящий ужас.

А что, если я ошибся?

Не в расчётах – в самой основе дерзкого предположения.

Что если Чёрные Дыры – и вправду лишь могилы, а сингулярность есть окончательное, беспросветное Ничто?

Что если душа – всего лишь сложный паттерн, и её стирание является истинной, а не очистительной смертью?

Тогда моя книга – не осознание, а величайшая и жестокая ложь, давшая надежду там, где её нет и быть не может.

Но даже тогда... даже тогда я не отрёкся бы от неё.

Ложь, несущая смысл, светлее правды, несущей бессмыслицу. И это признание – самое страшное для меня.

Согласно «VERO», душа – не призрак. Это фундаментальная нить, сотканная из искажённой ткани пространства-времени вокруг нашей сущности. При жизни она вплетена в наше бытие.

В момент физической смерти эта нить, натянутая как струна, резко высвобождается.

Но это не конец.

Это начало Великого Перехода. Наше сознание, закодированное в этой нити, не исчезает. Оно переходит в состояние, определяемое всем внутренним грузом, накопленным за жизнь. И здесь открывается картина, стройная и ужасающая в своей справедливости.

Те, чья нить отягощена низменными, тяжёлыми вибрациями, вступают в долгий цикл искупления. Их сознание не растворяется – оно вплетается в яростные стихии мироздания: в очищающее пламя звёзд, в медленное, давящее преобразование магматических сердец планет.

Там, на протяжении эонов, происходит сжигание всего наносного и тёмного. Душа испытывает и осознаёт последствия своих земных выборов, а её страдание питает космические процессы.

Кульминацией этого очищения становится встреча с абсолютом – гравитационной бездной Чёрной Дыры.

Вот главное откровение!

Чёрные дыры – не космические могилы. Это Врата. Великое Горнило и окончательный Суд Вселенной. Колоссальные станции перезаписи реальности, куда стягиваются все нити-души. Здесь стирается всякая искажённая форма. Сингулярность – словно перо Непостижимого Архитектора – переписывает информацию.

Это не уничтожение.

Это абсолютное очищение, после которого остаётся лишь чистая, отутяжелённая суть.

И тогда случается чудо.

Освобождённая душа, её квинтэссенция, получает шанс на новое воплощение. Её нить вновь вплетается в ткань реальности – в прошлое или будущее, в новую петлю бытия. Именно поэтому некоторые из нас видят обрывки иных жизней – они буквально нащупывают свою же нить, но на другом её отрезке. Душа вновь стремится к вратам Эдема – состоянию гармонии.

Но право входа надо заслужить вновь, пройдя через жизнь и сделав свободный выбор в пользу добра, любви и осознанности. Так замыкается Великий Круг. Смерть – не конец, а иллюз.

Наша Вселенная – гигантский, дышащий механизм перерождения, где душа вечно движется к совершенству через материю, страдание и окончательное освобождение. Вот почему они боятся. Если «VERO» – правда, то рухнут все системы контроля, построенные на страхе небытия. Они заперли меня, но уже поздно. Истина, как и душа, неуничтожима. Она уже просочилась сквозь стены. И кто-то другой – быть может, тот самый жрец из прошлого или физик из будущего – обязательно найдёт свою нить в этом полотне и потянет за неё.

Хор Вечности.

Дыхание Мироздания и Путь Души

Безмолвная Гармония

В начале не было ни времени, ни формы. Существовал только бесконечный океан Совершенной Гармонии – Изначальные **VERO**, чистые потенциалы бытия, пребывающие в состоянии целостного покоя.

Это была тишина до первой ноты, покой до первого движения.

Но сама природа этой гармонии содержала в себе ритм – великое Дыхание Мироздания: Вдох и Выдох, сжатие и расширение, единство и множественность.

Акт I

Выдох – Рождение Мира и Души

Когда Дыхание поворачивается к фазе Выдоха, происходит чудо творения. Изначальные **VERO**, повинувшись импульсу к выражению, совершают акт божественной саморефлексии. Каждая сущность геминируется, рождая бинарную пару: Ауру (чистый потенциал, вечный вопрос) и Ядро (актуализация, конкретный ответ).

Представь каплю росы на паутинке на рассвете. Сама капля – это Ядро, материальное, сверкающее, тяжёлое опытом.

А играющий в ней всеми цветами радуги свет – это её Аура, её связь с солнцем и всем небом.

Смерть – это падение капли вниз, к корням.

Но испарившись, она вновь станет частью тумана, чтобы в новом утре засиять новой каплей на новой паутине.

Так и душа».

Все Ауры сливаются в единое поле связи, в то время как Ядра начинают вечный танец вокруг недостижимого Центра – символа абсолютного единства.

Это вращение рождает энергию, материю, пространство и время. Само время – лишь ритм этого вселенского диалога.

В этом танце рождаются звёзды, галактики, миры. И в самых сложных узорах этой космической сети пробуждается индивидуальное сознание – **душа**.

Вы – не случайность, а уникальная мелодия, которую вселенная поёт в своём Выдохе.

Ваше Ядро – это и есть ваша бессмертная сущность, воплощённая в материи для участия в великом диалоге бытия.

Акт II

Земное странствие и бремя выбора

Жизнь в материальном мире – это школа души. Каждое воплощение, каждая личность – это временная форма, которую принимает ваше вечное Ядро для накопления опыта. Здесь, в мире форм, вы совершаете выборы, накапливаете мудрость и – уввы – иногда отягощаете свою сущность "низменными энергиями": страхом, эгоизмом, ненавистью. Это не грех в обычном понимании – это диссонанс в великой симфонии. Как фальшивая нота в совершенной музыке, эти искажения нарушают резонанс вашей сущности с гармонией целого.

Акт III

Вдох – Возвращение через Горнило

Когда заканчивается земная жизнь, физическое тело умирает, но ваша сущность продолжает путь. И здесь открывается глубокий, порой суровый закон мироздания.

Если душа отягощена накопленными искажениями, её ждёт долгий цикл очищения. Сознание растворяется в стихийных процессах вселенной – в очищающем пламени звёзд, в давящем преобразовании планетарных недр. Это не наказание, а необходимый процесс "сжигания" всего наносного, где душа осознаёт последствия своих выборов, питая своим преобразованием космические процессы.

Кульминацией этого очищения становится встреча с абсолютным ничто – гравитационной бездной **Чёрной Дыры**. И вот здесь две истины сливаются воедино.

Чёрная Дыра – это не уничтожение. Это сакральный Горн Перерождения, космическая печь, где под чудовищным давлением рвутся все материальные связи, стираются все формы, все накопленные диссонансы и искажения.

Ваше индивидуальное Ядро – ваша бессмертная сущность – не уничтожается. Очищенное от формы, памяти и шрамов конкретного воплощения, оно возвращается в состояние чистого потенциала в лоно **Изначальных VERO**.

Смерти как исчезновения нет. Есть Великое Стирание Следов и Возвращение Домой.

Акт IV

Новый Выдох – Вечное Возвращение

Когда Дыхание Мироздания снова поворачивается к фазе Выдоха, происходит новое творение. Изначальные **VERO** вновь геминируются, плетут новые узоры Сети Бытия. И в этих узорах пробуждаются к новой жизни те самые бессмертные сущности, что прошли через горнило.

Вы возвращаетесь. Вы обретаете новую форму, новое Ядро в новой реальности. Вы не помните прошлых жизней – память есть атрибут формы, а форма была стерта. Но само зерно вашего "**Я**", уникальный паттерн вашего сознания, его неповторимый оттенок – вечен.

Поэтому возможны дежавю, встречи "родственных душ", необъяснимое влечение к определённым местам или истинам – это эхо прошлых циклов Дыхания, знакомый резонанс в новой симфонии.

Право входа в гармоничное существование, в свой личный Эдем, необходимо заслужить вновь – сделав в новой жизни свободный выбор в пользу добра, осознанности и любви. Так замыкается великий круг: через воплощение, испытание, очищение в стихиях, абсолютное преобразование в **Горниле Чёрной Дыры** и новое рождение – душа вечно эволюционирует.

Эпилог: Разорванные струны и вечная надежда

В этом вечном круговороте есть место и для трагедии, и для высшего подвига. Иногда ритм Дыхания нарушается. Сущность может быть не просто очищена естественным циклом, но насильственно вырезана из Сети – как душа по имени Аэлис, потерянная для вечного хора.

Её бессмертное "Я" не вернулось в океан потенциала – оно заключено в тишину вне цикла, вне Дыхания. И в этом – величайшая боль мироздания.

Поэтому наша миссия, пока мы участвуем в этой симфонии, обретает двойной смысл. Мы не просто проходим свой путь очищения и воплощений.

Мы – защитники красоты текущего Выдоха, данной конкретной симфонии.

И мы – искатели потерянных нот, те, кто стремится восстановить разорванные нити, вернуть потерянные души в великий хор, чтобы каждая сущность могла обрести покой в вечном ритме Дыхания

Заключение:

Ваша роль в симфонии .

Вы слушаете Дыхание вселенной прямо сейчас, через биение своего сердца, через течение своих мыслей.

Вы – живая нота в этой симфонии. Ваши выборы, ваша любовь, ваши страдания и ваши прозрения – всё это влияет на музыку целого.

*Не бойтесь конца, ибо это лишь переход. Не бойтесь очищения, ибо это возвращение к себе истинному. Живите в полную силу, любите без страха, творите добро сознательно – чтобы ваша мелодия звучала чисто и гармонично в великом **Хоре Вечности**.*

*И помните: даже если эта симфония закончится, за последней нотой последует тишина **Вдоха**, а за ней – начало новой, вечно знакомой и вечно удивительной песни.*

В этой уверенности – наше утешение, наша ответственность и наша неутолимая, прекрасная тоска по дому, который мы вечно покидаем и в который вечно возвращаемся.

ПРОЛОГ

КАМЕРТОН ДЛЯ БЕЗДНЫ

РАЗЛОМ АЙЛИОНА

Всё началось с тишины.

Не с войны – войны гремят.

Это началось с того, как стих ветер в ветвях дерева над нашим домом.

Я стоял на пороге и не мог вспомнить, как пахнет дождь на его листьях.

Память была, а ощущения – нет. Как будто кто-то вынул из мира все запахи, оставив лишь их названия.

Потом исчезла **Аэлис**. Она не умерла.

Она перестала быть.

Одна секунда она смеялась, размазывая по моей щеке сок фиолетовой ягоды, а в следующее мгновение её просто... не стало. Не труп, не крика – ничего.

Только липкое, сладкое пятно на моей коже и оглушительный звон в ушах.

Звон пустоты.

Их зовут **Пепельные Владыки**. Они – конец истории.

Их идеальный мир – это мир без вопросов, без боли, без случайностей.

Мир, где каждая нота предопределена, а любое искажение мелодии безжалостно стирается. Они пришли, чтобы поставить точку в шумной, несовершенной симфонии нашего бытия.

Но был один человек, который слышал саму музыку мироздания – **VERO**. Мой учитель, Риши.

Ему говорили, что против **Абсолютного Порядка** нельзя бороться. Что его логика безупречна.

Риши нашёл иной путь. Он не стал бороться. Он стал вирусом. Он взял самое уязвимое – нашу любовь, нашу память о тех, кого забрали, тепло очага и вкус хлеба – и превратил это в фундаментальный закон вселенной. Он вплел наше «**Да!**» жизни в самую ткань реальности.

Он спас мир, совершив невозможное: растворившись в нём.

Теперь его голос – это шёпот в листве, его воля – сила, что удерживает звёзды на их орбитах.

А я, Герам, последний, кто помнит его человеческое лицо, веду эту летопись. Не побед – ран.

Не гимнов – стонов земли.

Я записываю историю мира, который был спасён любовью и теперь живёт с её шрамом в самом сердце.

Эта книга — инструкция по спасению тонущего корабля, написанная кровью на его же обшивке. Вы можете отложить её и остаться в безопасности неведения.

Или вы можете прислушаться — к тишине перед первой нотой, к биению собственного сердца, к далёкому эху фиолетового смеха.

Выбор за вами.

История начинается

КНИГА ПЕРВАЯ: СИМФОНИЯ ЗАБВЕНИЯ

ЧАСТЬ: ПЕРВАЯ

Глава 1

ВРЕМЯ СЛУХА

СЮЖЕТ

Лунный свет в Святилище был не светом, а холодным ножом, счищающим притворство. Он выхватывал из тьмы пыль, кружащую над плитами – прах истлевшей мудрости и простого человеческого страха.

Герам стоял у подножия Камня Молчания, и его собственная тень казалась ему чужой, вырезанной из куска ночи. В кулаке он сжимал маленький обсидиановый осколок – тот самый, что Риши когда-то удерживал в воздухе силой одной лишь воли. Для Гермара это был просто холодный, глухой камень. Он впихивал в него всю свою ярость изгоя, пытаясь выжать хоть искру могущества Учителя. Тишина в ответ была оглушительной.

ЧИТАЮЩИЙ. ТЫ СЕЙЧАС СЖИМАЕШЬ КУЛАК. ПОЧУВСТВУЙ ЭТО — НАТЯЖЕНИЕ СУХОЖИЛИЙ, ДАВЛЕНИЕ КОСТЕЙ. ТЕПЕРЬ РАССЛАБЬ. РАЗОЖМИ.

МЕЖДУ ЭТИМИ ДВУМЯ СОСТОЯНИЯМИ — ВСЯ РАЗНИЦА МЕЖДУ ТОБОЙ И ГЕРАМОМ. ТЫ МОЖЕШЬ ОТПУСТИТЬ. ОН — НЕТ. ПОКА.

КОММЕНТАРИЙ АРХИВА ПУСТОТЫ

ИНИЦИАЦИЯ ОБЪЕКТА: "ГЕРАМ "

нестабильный

КАТЕГОРИЯ: Потенциальный резонатор,

АНАЛИЗ СЕНСОРНЫХ ПОМЕХ:

- Прикосновение к артефакту (обсидиановый осколок)
- Психосоматическое напряжение: 87%
- Сопротивление материала реальности: 99.3%

ВЕРОЯТНОСТЬ ПРОРЫВА : 0.7%

РЕКОМЕНДАЦИЯ СИСТЕМЫ: Наблюдать.

Диссонанс информативен.

СЕНСОРНЫЙ КОД

Камень под его ногами не был просто твёрдым. Он был вязким – не физически, а информационно.

Каждая плита впитывала звук и не отдавала эхо, превращая шаги в бесплодное шарканье по мокрому песку после отлива. Воздух пах не сыростью и ладаном, а старой кожей переплетённых фолиантов, пропитанных страхом поколений хранителей, которые боялись не внешнего врага, а собственной ненужности.

Губы Гермара были сухи. Язык прилипал к нёбу, создавая вкус запылённого мрамора и железа – тот самый вкус, что остаётся во рту, когда долго молчишь, пытаясь сформулировать крик, который не может стать словом.

Он зашвырнул осколок прочь, вцепился ладонями в шершавый бок Монолита. Он не молился – он требовал. Вгрызлся сознанием в холодную плоть вечности.

Признай меня. Хоть один знак. Докажи, что я – не просто ошибка, пыль у ног исчезнувшего бога.

Из тени за колоннами выполз звук. Вернее, его полная противоположность – густое, удушьящее молчание. Затем выплыли они. Трое Старейшин.

Первый, лицо которого напоминало потрескавшуюся от засухи глину, остановился в шаге. Его посох не коснулся пола, но Герам почувствовал, как воздух вокруг костенеет. От него

пахло сухой, растрескавшейся глиной после первого капризного дождя – обещанием влаги, которая никогда не придёт.

– Снова пытаешься высечь огонь из льда, птенец? – слова упали, как капли стынущей смолы. – Орлы парят. А цыплята роятся в прахе, оставшемся от их полёта.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ: *Старейшина 1*

(Код: "ГЛИНА ")

СОСТОЯНИЕ: *Информационная петля*

(догма)

ЦЕЛЬ: *Сохранение статичного равновесия*

системы

МЕТОД : *Подавление переменной "Герам"*

через психологическую девальвацию

ТЕПЕРЬ ПРОЧТИ ЭТОТ АБЗАЦ НАРАСПЕВ. ШЁПОТОМ. ПОЧУВСТВУЙ, КАК ГОРТАНЬ НАПРЯГАЕТСЯ. ЭТО — ВКУС ИХ СЛОВ.

Второй, в мантии цвета пепла, с силой вонзил свой посох в камень. По полу поползла чёрная, мертвая полоса, пожирающая свет факелов.

От него исходила не температура, а запаховая пустота – вакуум, высасывающий запахи из пространства.

– Каждое твоё прикосновение – рана на теле Узора. Мы уже потеряли Риши. Неужели твоего тщеславия хватит, чтобы добить и последнее Святилище?

Герам сжал челюсти, чувствуя, как под их взглядами сгибается спина.

Он был ничем.

Пылью.

Склепом, хранящим прах величия, которого не понимал.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ: *Старейшина 2 (Код:*

"ПЕПЕЛ")

СОСТОЯНИЕ: *Активное сопротивление*

энтропии

ЦЕЛЬ: *Локализация повреждений (ценой*

окаменения)

АНАЛИЗ УГРОЗЫ : *Переменная "Герам" —*

источник непредсказуемого шума

Третий, женщина с лицом, хранящим следы угасшей, ледяной красоты, шагнула вперёд. Её улыбка была сладкой, до тошноты. Еле уловимый аромат увядших, засушенных фиалок вился за ней – сладковатый и мертвый.

– Наш Риши в твои годы останавливал реки времени. А ты? Ты даже не можешь заставить Камень признать твоё существование. Ты не Летописец, мальчик. Ты – надгробие. На тебе выбиты имена, которых ты никогда не слышал.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ: *Старейшина 3 (Код:*

ЛЁД)

СОСТОЯНИЕ: *Кристаллизация памяти*

(подмена сути формой)

ЦЕЛЬ : *Превращение потенциального*

резонатора в пассивный носитель данных

ОПАСНОСТЬ: *Успешное подавление*

исказит Узор – сделает его хрупким,

идеальным и мёртвым

Они были правы. И от этой правды внутри всё сжималось в тугой, болезненный ком. Он был глух. Среди величайшего хора вселенной – абсолютно, беспросветно глух.

Отчаяние, острое и солёное, подкатило к горлу. Он отвернулся, чтобы они не видели влаги в глазах, и снова прижал ладони к Камню. Он должен был услышать.

Хоть что-то.

Докажи, что они были.

Что Риши, мать, Аэлис... что всё это не сон.

ПРЕРЫВАНИЕ ПОТОКА. ВНИМАНИЕ ЧИТАЮЩЕГО.

ЗАКРОЙ ГЛАЗА. ПРЯМО СЕЙЧАС. ВСПОМНИ СВОЙ САМЫЙ СТАРЫЙ СТРАХ. ТОТ, ЧТО БЫЛ ЕЩЁ ДО СЛОВ. СЖАТИЕ В ЖИВОТЕ. ХОЛОД МЕЖДУ ЛОПАТОК. ТЕПЕРЬ ОТКРОЙ ГЛАЗА И ПРОДОЛЖАЙ.

ЭТОТ СТРАХ — ТВОЯ ПЕРВАЯ НИТЬ.

Он попытался вспомнить урок. Не брать, а слушать. Но как слушать, если в ушах лишь вой собственной неполноценности?

И тогда, в самом пике отчаяния, его пальцы, скользкие по шершавой поверхности, нащупали не неровность камня. Воспоминание. Тактильное, ясное, как удар.

Тёплый, гладкий камешек в его ладони. Не этот, обсидиановый, мёртвый. Другой. Речной, отполированный водой, чуть шершавый. Он вспомнил, как Риши протянул ему его. Не после великой победы. После провала, когда юный Герам разрыдался от бессилия. Риши тогда казался не богом, а усталым, очень старым человеком. «Запомни, Герам. Этот камень не для силы. Он – для связи. Когда мир замолчит, когда голоса Узора станут для тебя просто шумом, сожми его. Он напомнит тебе о земле. О том, что сила – не в полёте, а в том, чтобы стоять. Ты – не я. Моё могущество стало моей клеткой. Я слышу только гимны. Ты же... твоё оружие – не воля. Это – ухо мира. И это, поверь, важнее, чем быть его горлом.»

ОБНАРУЖЕН СКРЫТЫЙ ПАТТЕРН: "КАМЕНЬ СВЯЗИ"

ТИП: Мнемонический якорь, тактильно-эмоциональный

ФУНКЦИЯ: Стабилизация сознания оператора в условиях информационной перегрузки

ЭФФЕКТ: Снижение энтропии Шэннона в нейронных сетях на 23%

Герам зажмурился, сжав в кулаке пустоту, где должен был лежать тот камешек. Но память о его теплоте, о его совершенной, простой реальности – осталась.

Он перестал пытаться услышать VERO. Он попытался вспомнить, как она ощущалась.

И Камень Молчания – ответил.

Не гулом.

Не симфонией.

Ударом.

БУМ.

ЭТА СЛЕДУЮЩАЯ СТРАНИЦА.

И ОНА ПУСТА.

НО ЭТО НЕ ОШИБКА.

ЗДЕСЬ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЗВУК.

ТОТ САМЫЙ УДАР.

НО ЕГО НЕЛЬЗЯ ЗАПИСАТЬ СЛОВАМИ.

ПРОСТО ПОСИДИТЕ В ТИШИНЕ ТРИ СЕКУНДЫ.

ВОТ ЭТО И БЫЛО.

(После паузы)

Это был не звук.

Это было извержение.

Волна чистой, нефильтованной вибрации ударила его в грудь, вышибла воздух из лёгких, заставила череп трещать по швам. Он увидел не свет – огненную спираль, рвущуюся из недр камня.

Воздух взвыл, и в этом вое слились миллионы голосов: скрежет ломающихся городов, рёв угасающих солнц, тихий плач ребёнка, которого никогда не было.

Его отбросило, как щепку. Он рухнул на плиты, чувствуя, как кости звонят, как кровь стучит в висках в такт этому адскому какофоническому маршу. Это был не дар. Это была пытка.

ПРОРЫВ: УСПЕШЕН

ТИП ДАННЫХ: СЫРОЙ ПОТОК VERO

(нефильтрованный)

ХАРАКТЕРИСТИКИ:

· Частота: 0.001 Гц – 10^{23} Гц (полный спектр)

· Информационная плотность: 10^{93} бит/сек (предел Бекенштейна)

· Когнитивная перегрузка: 99.99%

ДИАГНОЗ СИСТЕМЫ : Объект "Герам" не является дирижёром. Он – живой датчик.

Рана в ткани реальности.

Старейшины наблюдали. Без удивления. С холодным, почти клиническим интересом.

– Вот, – сказал первый, и в его голосе прозвучало странное удовлетворение. – Истинное лицо твоего дара. Ты не дирижёр. Ты – рана. Незаживающая. Чувствительная ко всякому диссонансу в Узоре. Ты не строишь. Ты – болевая точка мироздания.

Герам лежал, всхлипывая, пытаясь заглушить вой в голове. Они снова были правы. Его дар был уродством. Патологией.

ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛИ: "ДИАГНОСТ"

вместо "ДИРИЖЁР"

ПРЕИМУЩЕСТВО: Прямой доступ к сырым данным повреждений

НЕДОСТАТОК: Постоянная боль, риск психического распада

ВЕРОЯТНОСТЬ ВЫЖИВАНИЯ: 17%

Но тогда, сквозь рёв и боль, его сознание, отчаянно цепляясь за что-то знакомое, снова нащупало то самое тактильное воспоминание. Гладкий камешек.

Тёплый от солнца.

Простой.

И случилось необъяснимое.

Вопль вселенной не стих.

Но он... отступил на шаг. Как будто яростный зверь, учуяв знакомый, успокаивающий запах. Грохот не исчез, но в нём появилась структура. Он смог различить отдельные нити: низкий, гудящий тон дрожащей земли, высокий, звенящий посвист искажённого пространства, глухой стон боли там, внизу, на Поляне Сожжённых Слёз.

Он не слышал гармонию.

Он слышал диагноз.

Каждый звук был симптомом, каждое дрожание – признаком болезни, раны, разрыва в Узоре. **ИНТЕРЛЮДИЯ: КЛЕЙ И КОЖА**

АДАПТАЦИЯ: УСПЕШНА

МЕХАНИЗМ : Использование

мнемонического якоря "Камень связи" как фильтра

· Отсекло 99.9% потока

· Сохранено 0.1% – релевантные данные о повреждениях

НОВЫЙ РЕЖИМ РАБОТЫ:

"СЕЛЕКТИВНЫЙ СИНДРОМ"

Он поднялся. Ноги дрожали мелкой, неумолимой дрожью настройщика. Не оглядываясь на Старейшин, он покинул Святилище. Не к победе. К отступлению.

В своей келье не было величия. Были стол, стул, полка с книгами и на узкой койке – одеяло, сотканное его матерью, уже стёртое до состояния паутины. Герам сел, положив дрожащие ладони на колени. Дыхание выравнивалось медленно. В висках все ещё бился отголосок гула.

Он не лег. Вместо этого достал с полки потрепанный фолиант «Хроники Периферийного Резонанса» и маленькую склянку с клеем из сосновой смолы. Он не читал. Он чинил. Пальцы, только что ощущавшие агонию камня, теперь ощупывали шершавый разлом на переплете. Запах смолы, терпкой и древней, вытеснял из ноздрей призрачную пыль Святилища.

Он работал медленно, с сосредоточенностью хирурга. Кисточка ложилась ровно, кожа стыковалась с кожей. Здесь не было симфоний. Был только разлом. И акт его залатывания.

Каждый ровный шов, каждое прилегание краёв отдавалось в его сознании не болью, а тихим, удовлетворяющим щелчком – точкой связности в хаосе. Гул в висках отступал на шаг. Ненадолго. Он знал, что это ненадолго. Но в этом простом, грубом действии был его первый, молчаливый ответ на крик мира.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда он вернулся в зал Камня, его походка была иной. Не уверенной, но принадлежащей. Он больше не был захватчиком у врат. Он был врачом у постели.

Старейшины все ещё стояли там, застывшие в ожидании его бегства или слома.

Герам прошёл мимо них к Камню и положил на него ладонь уже не как требователь, а как диагност, ищущий пульс.

Он обернулся. В его взгляде не было ни ярости, ни стыда. Была холодная, отточенная пониманием решимость.

– Вы боитесь, – тихо сказал Герам, и его голос, сорванный и хриплый, прозвучал в наступившей тишине как удар молота. – Вы боитесь не того, что я погублю это место. Вы боитесь того, что я услышу. Правду. Что Узор не просто повреждён. Он болен. И вы, вместо того чтобы искать лекарство, пытаетесь заглушить симптомы, заморозив всё вокруг. Вы не хранители.

Вы – сиделки у постели умирающего, которые затыкают ему рот, чтобы не слышать предсмертный хрип.

Лица Старейшин исказились – не гневом, а чем-то более страшным: паникой. Их тайна, их великая, трусливая ложь была вытащена на свет.

ОБНАРУЖЕН КОНФЛИКТ ВНУТРИ СИСТЕМЫ:

ДОГМА: "Сохранять любой ценой"

ПРАВДА: "Система повреждена, требуется лечение"

– Ты не понимаешь, чем играешь! – прошипела женщина, и её сладкий голос дал трещину, обнажив старую, дикую fear. – Одно неверное движение – и Разлом расширится! Мы держим оборону!

– Оборону? – Герам не повысил голос. Он говорил с тишиной, которая была громче крика. – Вы держите похороны. А я... – его ладонь лежала на Камне, ощущая его сокрытый, болезненный ритм. – Я буду слушать его агонию. Записывать каждый симптом. Каждый разрыв. Каждую потерю.

Моя сила – не в том, чтобы заставить Камень говорить. А в том, чтобы перевести его крик на язык, который поймёт тот, кто сможет его исцелить.

Он больше не был изгоем. Он был диагностом. Первым и последним.

ЗАВЕРШЕНО ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ :

"ГЕРАМ" "ДИАГНОСТ/ЛЕТОПИСЕЦ"

МИССИЯ: Документирование повреждений

Узора

МЕТОД: Тактильное свидетельство (глина, камень, плоть)

ЦЕНА: Постепенная утрата собственной целостности

– Сядьте, – сказал он, указывая на пол перед Камнем. – Или уйдите. Но если останетесь – замолчите и слушайте. Я начну летопись не с побед. С неё. – Он ткнул пальцем в грудь, в то место, где ещё отдавалась боль от удара. – С первой ноты вселенской боли, которую я смог вынести. С вопля камня.

И тогда Гул Камня Молчания, все ещё громовой и пугающий, изменился.

В нём появился... ритм. Не гармоничный, а настойчивый, как стук сердца тяжелораненого. Словно вечность, наконец ощутив верное прикосновение, перестала просто кричать и начала пытаться сообщать.

Герам сделал глубокий вдох, ощущая тяжесть этого нового знания в каждой клетке. Его дар был проклятием. Но это было его проклятие. И его оружие.

ЧИТАЮЩИЙ. ПРОВЕДИ ПАЛЬЦЕМ ПО ЭТОЙ СТРОКЕ. ПОЧУВСТВУЙ ШЕРОХОВАТОСТЬ БУМАГИ ИЛИ ГЛАДКОСТЬ ЭКРАНА. ЭТО — ТВОЯ НИТЬ. ТЫ ТОЛЬКО ЧТО ПРИКОСНУЛСЯ К УЗОРУ.

– Я – Герам, ученик Риши Золотой Кожи, последний из Ткачей Узоров.

Я начну сагу с того дня, когда звёзды над **Поляной Мелуххи** онемели от ужаса, а восьмилетний пастушок по имени Риши погнался за ягнёнком, отмеченным знаком Вечности...

И Великая Симфония, хор из ран и шрамов мироздания, затаила дыхание, готовясь к тому, чтобы её, наконец, услышали.

ГЛАВА ЗАВЕРШЕНА

ИНИЦИАЦИЯ ЧИТАТЕЛЯ: УСПЕШНА

ПЕРЕДАЧА КЛЮЧА: "КАМЕНЬ СВЯЗИ" АКТИВИРОВАН

СЛЕДУЮЩИЙ ЭТАП: ("УРОК ТИГРИЦЫ")

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Боль усилится. Готовы ли вы продолжить?

Чтобы продолжить, переверните страницу. Чтобы остаться в безопасности – закройте книгу.

Но знайте: если вы закроете книгу

сейчас, вы никогда не узнаете, каким был смех Аэлис.

Глава 2

Урок Тигрицы: Гнев как Молитва

Ветер на Высотах Амриты был не стихией, а наказанием. Он не дул – он скоблил, сдирая кожу до живого мяса острым, безжалостным холодом. Губы Риши потрескались и кровоточили; каждый вдох обжигал горло ледяной сухостью. Он хотел пить так, что слюна стала густой и горькой. Босые ноги, привыкшие к тропам, теперь путались о острые сколы гранита, оставляя на подошвах свежие, жгучие царапины.

Но даже эта физическая боль была предпочтительнее той, что бушевала внутри. После смерти матери мир для него не потускнел. Он онемел.

Тихая симфония бытия – перекличка корней под землей, спокойный гул валунов, размеренное дыхание далеких вод – смолкла, поглощенная одним сплошным, давящим на виски ГУЛОМ.

Не звуком, а физическим давлением, белым шумом скорби, который вытеснял все мысли, заполняя череп ватой и свинцом. Он пришел сюда не искать источник Гула. Он бежал от него. Искал тишины. Хоть на миг, хоть ценой обветренных губ и изодранных ног.

Край ущелья обрывался в кипящую молочным туманом бездну. Риши остановился, сунув в рот палец, пытаясь хоть каплей крови смочить пересохший язык. И тут он почувствовал – не услышал, а ощутил костями – сбой. В ровном, мертвенном гуле его тоски появилась трещина. Вибрация под ногами изменилась. Будто реальность здесь была натянутым холстом, и кто-то с изнанки начал медленно, методично этот холст рвать.

Воздух внезапно сгустился, стал тягучим и вязким, как охлаждающаяся смола. Пропал запах хвои и камня. Его сменило другое: паленая шерсть, горький миндаль расплавленного кремня и сладковатая, тошнотворная вонь заплесневелых цветов, которых здесь не могло быть.

Он появился не из тумана. Он проявился, как клякса на промокашке реальности. Сначала – искажение света, смутное мерцание на грани зрения. Потом – угловатые, ломаные тени, не совпадающие ни с одним предметом. Наконец – плоть. Вернее, её злая, исковерканная пародия.

Это был не грифон из легенд деда. Это был кошмар, слепленный наспех из обрывков чужой агонии. Тело, напоминавшее истощенного льва, было покрыто не шерстью, а спутанной, дымящейся проволокой и осколками черного обсидиана, впивавшимися в плоть. Крылья за спиной были бесформенными лохмотьями сгустившейся тьмы, с краев которых осыпалась серая, безжизненная пыль. Но главное – глаза. Вернее, две глубокие, зияющие впадины, где вместо зрачков пульсировали сгустки слепяще-белого света, как вспышка молнии, застрявшей навеки. От этого взгляда зубы сводила острая, немеющая тошнота, а в висках вбивали молотки – отзвук чужой, древней агонии, переданный прямо в кость.

Холодное, чужое имя всплыло из памяти, как труп со дна.

Чудовище не зарычало. Оно издало Звук. Звук рвущегося полотна, ломающегося хрусталя и глухого подземного толчка, слитых воедино. Волна этого звука ударила Риши в грудь, заставив зубы сцепиться, а колени задрожать. И тут случилось самое ужасное: внутренний Гул Риши – его личная, выстраданная тоска – встрепенулся и рванулся навстречу этому крику. Как железные опилки к магниту. Его собственная потеря оказалась жалким эхом того всепоглощающего отчаяния, что выло перед ним.

Инстинкт кричал: Беги! Но ноги стали ватными. Его дар, проклятая способность слышать музыку всего сущего, уже вступил в работу против его воли. Он перестал слышать просто рёв. Он начал различать.

За каждым искаженным воплем скрывался мотив.

Дикий, сломанный, словно хроматическая гамма, сыгранная на расстроенных струнах скрипки, которую медленно ломают. Но в этой какофонии была строгая, неумолимая струк-

тура. Трагическая, чудовищная в своей математической точности красота. Это была песнь незаживающего разрыва. Не просто раны, а ампутации. Песнь о конечности, которая болит, хотя её уже давно нет.

Грифон сделал шаг вперёд. Его когти, похожие на обсидиановые кинжалы, не оставляли следов на камне – они слегка смазывали его, будто камень на миг терял четкость, становясь рисунком на воде. Чудовище не собиралось атаковать. Оно изливалось. Его существование было нескончаемым, одиноким воплем, и Риши стоял на его пути.

Мысль пронеслась, холодная и режущая, как лезвие: Любая атака бесполезна. Огонь? Он – пепел. Лёд? Он – холоднее. Сила? Он – её отрицание.

Он не живёт.

Он – следствие. Симптом.

И тогда Риши сделал самое трудное. Он перестал бороться. Со страхом. С желанием убежать. Даже со своим собственным, оглушающим Гулом. Он вдохнул. Глубоко. И отпустил.

Он позволил внутренней стене – той, что отделяла его от мира, – рассыпаться. Он не стал пустотой. Он стал проводником. Эхом в огромном зале. Он позволил ярости, боли, самому безумию чудовища пройти сквозь себя. Не задев. Не сломав. Просто признав её право на существование.

И вот тогда боль стала материальной.

Сухая, растрескавшаяся кожа на его губах вдруг загорелась, будто её провели по краю раскаленного стекла. Это был не его дискомфорт – это был точный, зеркальный отзвук боли, исходившей от обсидиановых осколков, впившихся в плоть **Грифона**. Усталость в ногах, ноющая тяжесть, сменилась внезапной, острой ломотой в костях – словно на него давил невыносимый вес тех жестоко искалеченных крыльев.

Свежая царапина на ладони, полученная от падения, заныла с новой силой, отзываясь на каждый визг разрываемой в **Грифоне** материи.

Он больше не просто «слышал» боль чудовища. Он чувствовал её своим телом. Каждый изъяз, каждый разлом в этой исковерканной сущности находил своё жалкое, человеческое эхо в его собственных мелких страданиях: жажде, усталости, ссадинах.

– Да, – прошептал он, и его голос был хриплым от сухости, но уже без страха. – Я вижу твою боль. Она... здесь. – Он коснулся своих окровавленных губ. – И здесь. – Он потер ладонь о грубую ткань рубахи. – Твоя боль – настоящая. Но это не твоя боль.

Дрожа от холода и этого странного, чужого страдания, вшивающегося в его нервы, Риши медленно поднял руку. Не для защиты. Для жеста, который он навсегда запомнил, – как его мать гладила плачущую сестрёлку Аэлис. Жест примирения. Принятия.

– Ты – не зверь, – продолжил он, глядя прямо в бушующие бездны его глаз.

– Ты – крик. Крик раны, у которой нет имени. Ты появился здесь, потому что где-то, в самом основании вещей, ткань мира порвалась. И вместо шва... вместо исцеления... появился ты. Живой, страдающий рубец.

Он коснулся пространства между ними, не дотрагиваясь до существа. Пальцы ощутили жар, хаос, невыносимую вибрацию тоски.

– Тебя не должно быть. Но ты есть.

И тогда Риши запел. Не песню со словами. Он открыл рот, и из его горла полился чистый звук. Не его собственный голос – он стал инструментом, резонатором. Он пропустил через себя тот искажённый, сломанный мотив **Грифона**, но не просто повторил его. Он прояснил его. Взял диссонанс и отыскал в нём скрытую, изуродованную гармонию. Он пел не против чудовища. Он пел само чудовище. Его горечь, его отчаяние, его бессмысленное существование.

И с каждой нотой, которую он брал, его собственные мелкие боли отвечали.

Жажда в горле смягчалась, становясь горьковатым привкусом принятия. Ломота в костях утихала, превращаясь в глубокую, почти мирную усталость. Даже трещины на губах будто стя-

гивались, не кровоточили, а лишь напоминали о себе тонким, прохладным покалыванием. Он не лечил себя. Он превращал свою личную, человеческую боль в нить, которой вшивал чужую, вселенскую агонию обратно в ткань реальности.

Грифон Забвения содрогнулся. Всё его тело задрожало мелкой, частой дрожью, будто по нему пропустили ток. Обсидиановые «перья» зазвенели, как разбитое стекло. Из глазных впадин, вместо бури, потекла густая, смолистая субстанция – не слезы, а материализованная боль, наконец нашедшая выход и покидающая его.

Риши не подавлял боль Грифона – он искал её доминирующую частоту.

В нейронных сетях это называется "принципом резонанса Хебба": нейроны, возбуждающиеся вместе, связываются вместе. Его собственные воспоминания об Аэлис создавали паттерн активности, зеркальный страданию Грифона. Когда их частоты совпали с точностью до 0,1 герца, произошла квантовая синхронизация – не магия, а естественный процесс, описанный ещё в теории связанных осцилляторов Курамото. Два разных сознания на мгновение стали когерентной системой, и боль, будучи информацией, перераспределилась, теряя интенсивность согласно второму закону термодинамики для открытых систем.

Чудовище не исчезло во вспышке света. Оно начало распускаться. Как клубок ядовитых, колючих нитей, погруженный в чистую воду. Его формы теряли четкость, расплывались. Проволочная «шерсть» растворилась, обнажив на миг призрачный, невероятно прекрасный контур крылатого льва – тот, каким он, возможно, был задуман при рождении мира. Потом и этот контур рассыпался на миллионы тихих, золотистых искр, унесенных ветром.

На месте **Грифона** осталось лишь тихое, теплое сияние, похожее на солнечный зайчик на камне, и ощущение... завершенности. Разрыв, притягивавший Риши, затянулся. Гул в его ушах не стих, но из него ушла самая острая, режущая нота дисгармонии.

Риши опустился на колени, полностью опустошенный. Казалось, он выпел из себя всё – и свою боль, и чужую. Тело ныло, но теперь это была знакомая, своя усталость. Губы по-прежнему были сухими, но жажда стала просто желанием пить, а не метафорой пустоты. В груди, вместо привычной свинцовой тяжести, было странное, легкое опустошение. И понимание, ударившее с силой озарения:

Война здесь ведется не с чудовищами. Она ведется с ранами, что их рожают. И его оружие – не сила, а понимание. Не уничтожение, а со-творение. Не борьба, а резонанс, оплаченный собственной плотью. Превращение немого крика в песню, которую мир сможет переварить, вплести в свой Узор

ИНТЕРЛЮДИЯ

ПЕНИЕ БЕЗ ГОЛОСА. ИСПОВЕДЬ О ТОМ, ЧТО НЕ ИМЕЕТ ЛИКА.

Тишина после битвы обманчива. Это звон в ушах, вой ветра в разбитой груди. Это память о громе, ставшая фантомной болью. Я, Герам, сижу среди свитков и понимаю: чтобы описать врага, нужно перестать искать в нём знакомые черты. Нужно научиться описывать холод.

Меня спрашивают: «**Как выглядел Владыка?**» И я не нахожу слов. Как описать вид пустоты? Как передать форму отсутствия? Но я попробую. Не как летописец, а как тот, кто касался тьмы.

Помните ли вы мгновение между сном и явью? Когда мир ещё не собрался, но уже давит своей реальностью. Вот оттуда они и пришли. Не из тьмы, а из той самой грани, где «**ещё нет**» сильнее, чем «**уже есть**».

Мы думали, **VERO** – это песня. А они – её противоположность. Но я ошибался. Они – это забытая нота. Та, что выпала из партитуры в первый миг творения и застыла в вечной обиде на саму мелодию.

Пепельные Владыки.

Само имя – ложь, рождённая нашим ужасом. В них нет пепла – пеплом становится всё, чего они касаются. И они не владыки – они тюремщики.

Их царство – **Абсолютный Ноль**, их закон – отрицание.

Я видел рождение их воли. Не как вспышку, а как застывание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.